

Ребенок, рожденный от императора, не должен быть брошен.

Ло Юн немного волновался, сказав. “Это...”

Императрица Лян подняла руку и остановила его. Глядя на плотно закрытую дверь дворца, выражение ее лица имело снисходительность.

Чу Цин-Янь тоже была несколько удивлена.

Император западного Сюаня только что вернулся от матери и Сына и теперь закрыл перед императрицей Лян дверь, не желая ее видеть. Это отношение было действительно слишком разным.

До нее уже доходили слухи, что нынешний император не был первым претендентом на престол. Над ним возвышался старший королевский брат. Но ведь западный император часто управлял войсками в военных походах, когда он был принцем и имел политические амбиции, его влияние превзошло всех тех старых королевских братьев. Более того, он женился на дочери героического министра этого поколения Ляна. Его родственники были могущественны, поэтому, он вытеснил тех нескольких старших королевских братьев и плавно стал регентом.

Можно сказать, что в то время вклад семьи Лян в восхождение на трон Западного Сюаня не мог остаться незамеченным.

А эта наложница Юэ, по слухам, была возлюбленной императора с детства до совершеннолетия. В то время министр Фу не был министром, он был всего лишь еще одним имперским наставником, который учил императора и никого больше. Однако он был очень умен, и с самого начала позволил своей дочери стать компаньонкой императора. Талантливый мужчина и красивая женщина оказались в ситуации, когда фамильярность порождает нежность, так что стать парой было несложно.

Но будучи в положении императора, он должен был выбирать между человеком, которого он любил, и властью.

В результате император Западной провинции женился на Лян Юань и пообещал министру Ляну, что обручальный подарок сделает ее хозяйкой императорского гарема. Только тогда он получил полную поддержку министра Ляна и должность наследного принца. Но потом, Западный император Сюань, который отвернулся от красавицы после восхождения на трон, немедленно женился на Фу Юэ, даровав ей титул императорской наложницы.

Чу Цин-Янь не могла не выдохнуть, понимая, что для него императрица Лян была просто трамплином, в то время как наложница Юэ была истинной любовью?

Не знаю, западный император имел сердце или все же был бессердечным?

То, как он обращался с льдиной, свидетельствовало о бессердечности!

Чу Цин-Янь сдерживала гнев, но здесь все были в масках. Никто не выдаст четырех человеческих эмоций на своих лицах. Поэтому она заставила себя надеть на лицо улыбающуюся маску.

Императрица Лян отдала приказ Ло Юну, он достал подушку и положил ее на землю.

Евнух Сяо, видя это, испытывал некоторые опасения.

“Императрица Нианг Нианг, вы?”

“Евнух Сяо, скажи Его Величеству. Этот дворец будет стоять здесь на коленях и ждать, пока он не откроет свои двери.”

С этими словами императрица Лян с решительным видом встала на колени на подушку, выпрямив спину.

Евнух неоднократно говорил.

“Это, это,...” - он не мог произнести ни слова. Он был напуган действиями императрицы Лян.

Чу Цин-Янь, увидев это, немедленно опустилась на колени. Даже императрица Лян преклонила колени, а у нее как у будущей невестки, какие могут быть оправдания?

Сзади послышался легкий звук, и выражение лица императрицы немного улучшилось. Похоже, эта глупая маленькая девочка не настолько невежественна.

Евнух Сяо, увидев, что они стоят на коленях на земле, издал потрясенный возглас. Он сразу же пошел доложить об этом.

“Ваше величество, императрица Нианг Нианг и Мисс семьи Чу стоят на коленях снаружи в поисках аудиенции.” - доложил Евнух Сяо.

Когда император услышал это, его большой палец, который листал страницы отчета, остановился, но затем он продолжил листать страницы.

“Я, император, не желаю их видеть.”

“Да.” Евнух Сяо тихо ответил и вышел из дворца.

Как только императрица Лян увидела выражение лица евнуха, она уже знала ответ. Ее пальцы сжали платок, а сердце похолодело. Внезапно она почувствовала, что отец был прав, когда это случилось, она должна была выйти и взять ситуацию в свои руки, а не оставаться в стороне, чтобы посмотреть хорошее шоу. Именно это заставило Сю-эра погрузиться в его нынешнее затруднительное положение.

Но теперь было слишком поздно поворачивать назад, она все еще стояла на коленях. Она надеялась, что Его Величество, увидев ее на коленях, проявит снисходительность и даст ей аудиенцию.

Чу Цин-Янь была слегка удивлена, этот западный император так безразлично относился к хозяйке императорского гарема, что не стал бы относиться к льдине более снисходительно ...

Ее глаза были полны беспокойства.

Время шло мало-помалу. Колени от жгучей боли онемели, боль была бесконечной.

Она не осмеливалась привстать, боясь, что это увидят люди. Если бы это дошло до ушей Западного императора, то можно было бы подумать, что она преклонила колени не совсем

искренне.

Она не могла не думать о том, что произошло во время праздника Середины Осени в полнолуние, о том, как льдина чувствовал себя, стоя на коленях в ледяной ночи.

Сильно болели колени? Неужели его ноги настолько онемели, что он их не чувствовал?

Она стояла на коленях всего два часа, но он простоял всю ночь? Было ли ему еще больнее?

Ее глаза помрачнели, и она закрыла их. Ее сердце болело до крайности. На самом деле, самым болезненным для льдины должно быть его сердце, верно? Преклонить колени в наказание собственным отцом-императором, который не может отличить правильное от неправильного. Это был самый болезненный шип, который пронзил его сердце, верно?

Чтобы отвлечься, она не обращала внимания на острую боль в коленях. Чу Цин-Янь изо всех сил старалась думать о других вещах.

Например, что сейчас делает льдина? Папа и мама хорошо живут в семье Чу? Вопрос об убийстве на этот раз затруднит жизнь ее родителей? Нашли ли в этом случае прорыв дух воды, Дух Земли и другие?

Было много вещей, о которых она могла думать, возможно, именно из-за этого время пролетело очень быстро.

Один, два часа, два часа....

Ворота по-прежнему были плотно закрыты.

Все потеряли надежду.

В это время евнух Сяо открыл двери дворца и вышел. Императрица Лян задала ему вопрос взглядом.

Евнух слегка вздохнул.

“Императрица Нианг Нианг, прошу вас вернуться. Его Величество сказал, что сколько бы вы здесь ни стояли, он все равно вас не впустит.”

Императрица Лян слегка напряглась. Она быстро улыбнулся, чтобы скрыть это.

“Похоже, Его Величество действительно занят, тогда попроси евнуха Сяо замолвить словечко за этот дворец. Дела мира важны, но Его Величеству все еще нужно заботиться о своем теле.”

Сказав это, она попросила Ло Юна помочь ей подняться, вставая, она даже немного пошатнулась.

Чу Цин-Янь слегка вздохнула. Вот что значит быть наложницей рядом с регентом. Даже если ее подвергали лишениям, заставляли страдать от обид или порицали, она все равно должна была встречать это с улыбкой. Потому что, что бы ни делал император, это были все милости, которые ему оказывали.

На лице императрицы Лян отразилась усталость, когда она взглянула на Чу Цин-Янь, все еще стоявшую на коленях. “Ты тоже должна вернуться, не делай ничего бесполезного.”

Чу Цин-Янь покачала головой. “Императрица Нианг Нианг, вы должны вернуться первой. Цин-Янь хочет еще немного постоять на коленях.”

Прямо сейчас императрица Лян была физически и эмоционально истощена, поэтому у нее не было сил, чтобы спорить. Она позволила Ло Юну помочь ей вернуться во дворец утреннего солнца.

Чу Цин-Янь слегка наклонила голову, ее колени уже были порезаны от трения о землю. Она причиняла жгучую и оцепенелую боль. А белая юбка, прижатая к коленям, уже расцвела красными пятнами. Красный цвет выглядел ослепительно красивым на фоне белоснежной юбки, но он был настолько красным, что делал больно глазам.

У Чу Цин-Янь уже не было времени думать о чем-то еще. Хотя сейчас у нее кружилась голова, она все равно не сдавалась.

У нее не было высшего семейного происхождения. Не было несравненных навыков в боевых искусствах. У неё не было возможности заставить людей бояться себя. Но она просто хотела отдать все, что в ее силах, чтобы сделать что-то для льдины.

Даже если Его Величество не хотел ее видеть, ему все равно нужно было покинуть дворцовый зал. Ему все еще нужно было поесть, отдохнуть, поэтому она не боялась, что он не выйдет.

Когда он выйдет, она спросит, как он может безосновательно обвинять собственного сына!

Солнце село на Западе, разноцветные лучи заходящего солнца простирались, насколько хватало глаз. Они окрасили весь мир в желтый цвет. Чу Цин-Янь смотрела на землю, полную желтых отражений.

И как раз в это время евнух Сяо подошел к ней и наклонился, чтобы сказать: - “Девятая Мисс Чу, Его Величество приказал вам войти.”